

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.8xse-md45
EDN: PTMDNC
УДК 316(092)

БОРИС ЗУСМАНОВИЧ ДОКТОРОВ
Независимый исследователь

Горшков М. К.:
«...ПУТИ В СОЦИОЛОГИЮ — ИСПОВЕДИМЫ»

Аннотация. 24 ноября 2025 г. не стало Михаила Константиновича Горшкова, большого ученого, академика, прекрасного коллеги, который внес огромный вклад в развитие российской социологии, был первым директором ФНИСЦ РАН. Воспроизводимое интервью с Михаилом Константиновичем 2014 г. явилось частью уникального биографического проекта о российских ученых. Из диалога двух социологов воссоздается картина многолетней работы Михаила Константиновича, чья биография, в типологии автора, принадлежит к «старшей части четвертого поколения» ученых, в которой просматриваются не только типичные, но и уникальные черты.

Ключевые слова: М. К. Горшков, ученый, социология, наука, биография, поколение

Ссылка для цитирования: Докторов Б. З. Горшков М. К.: «...Пути в социологию — исповедимы» // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 8–50. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.8xse-md45; EDN: PTMDNC

Текст интервью воспроизводится с любезного разрешения Бориса Зусмановича Докорова по изданию: Горшков М. К. «...Пути в социологию — исповедимы». — М.: Весь Мир, 2015. — С. 357–397.

Введение

Горшков М. К. окончил Стоматологический институт имени Н. А. Семашко, директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, главный редактор журналов ИС РАН «Социологическая наука и социальная практика» и «Вестник Института социологии». Основные области исследования: теория, методология, методы, история; образ жизни, качество жизни, власть, социальные институты, структура; идеология, общественное мнение, массовая коммуникация, прикладная социология.

Путь Михаила Константиновича Горшкова (1950 г. р.) в социологию и его многолетняя работа в науке интересны для историко-биографического исследования. В рамках развиваемого мною поколенческого подхода к строению нашего профессионального сообщества он принадлежит к старшей части четвертого поколения, но в траектории его становления как ученого четко просматриваются элементы событий, характерных для других поколений советских / российских социологов, и совсем необычные «вкрапления». Оригинальна стартовая позиция — продолжая семейную традицию, он поступает в Стоматологический институт имени Н. А. Семашко, на лечебный факультет. Подобное начало — уникально. Затем — активная комсомольская деятельность в институте и районном комитете комсомола. Такой вариант досоциологической деятельности часто встречается в биографиях двух первых поколений социологов, но уже не типичен для третьего. Стремление Горшкова поглубже понять психологию молодежи и больших социальных общностей, знакомство с книгами В. Шляпентоха «Социология для всех» и Б. Грушина «Мир мнений и мнения о мире» подвели его к прикладным социологическим исследованиям и породили в нем желание разобраться в природе общественного мнения. Таким маршрутом в социологию проходили представители пятой и шестой когорты. Неоднократно перед ним открывались возможности стать партийным функционером высокого уровня, но каждый раз он предпочитал оставаться диагностом (медицинское образование) и аналитиком (полученное позже философское образование) социальных процессов. Его уход из партийной науки и создание крупной независимой научно-исследовательской

структуры — еще одна сингулярность. Продолжать нет смысла, я лишь излагаю сказанное в тексте интервью.

Академик М. К. Горшков — директор института социологии РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, член Союза писателей России, автор большого числа книг, редактор нескольких периодических изданий — публичный человек. Он часто и обстоятельно рассказывает журналистам печатных и электронных СМИ о развитии важнейших социальных институтов страны и о состоянии российского общества в целом.

Эти темы затронуты и в данном интервью, но все же в нашей беседе, состоявшейся 17 апреля 2014 г. в Москве, я стремился как можно больше задавать моему собеседнику вопросы биографического характера. И в этом отношении мне представляется, что рассказанное М. К. Горшковым принципиально расширяет наши представления о механизмах становления сообщества российских социологов и характере межпоколенных связей внутри него.

Борис Докторов

Б. Д.: Мой первый вопрос такой: к настоящему моменту в моем историко-биографическом проекте, касающемся социологов разных поколений советского и современного российского периодов, приняло участие более шестидесяти человек. Однако, должен заметить, ни у одного из них нет медицинского образования. Скажи, пожалуйста, твой выбор медицинского образования — это семейная традиция или давняя детская мечта? Что это было?

М. К.: Выбор образования в советское время, конечно, не отрицал наличия инициативы того, кто его совершал, хотя в значительной степени основывался на влиянии родителей, среды общения и воспитания. Поскольку моя мама была талантливым врачом-стоматологом, то она меня, как помню, не сразу, но с третьего-четвертого раза убедила, что надо поступить в Московский медицинский стоматологический институт имени Н. А. Семашко. Тем более тогда в нем, наряду со стоматологическим факультетом, был открыт и лечебный факультет по всем основным направлениям медицинской специализации. Образование нового факультета должно было решить задачу подготовки врачей для Москвы, которая в конце 60-х годов уже начала испытывать дефицит ряда врачебных специальностей. К тому же, поступая на стоматологический факультет, можно было в течение срока обучения,

но не позже, чем за два года до выпуска, окончательно определиться с той медицинской специальностью, которую студент получал в стенах института. Убежденность в том, что медицинское направление само по себе замечательно, а также возможность выбора специализации, после того как немножко «мозги утрясутся» и профессиональная ориентация устоится, побудили меня поступать в медицинский.

Б. Д.: То есть у тебя был интерес не столько к обществу, сколько к самому человеку, так можно сказать.

М. К.: Ну какой осознанный интерес мог быть у выпускника десятого класса советской школы конца 60-х годов? Речь может идти скорее о первичной профессиональной ориентации.

Б. Д.: Но все же ориентации на человека, а не на технику... Интерес к человеку, да?

М. К.: В этом смысле, конечно, так получилось, что меня всегда интересовал человек. В начале — его физическая, а в дальнейшем — социальная, духовная субстанция.

Б. Д.: Действительно, на самом деле медицина и социальная реальность — явления пересекающиеся. В одном случае больше человека, в другом — больше социальной реальности, но в общем, по большому счету, все это люди...

М. К.: Скажу больше. Мой личный опыт (может быть, не очень скромно будет сказано) высвечивает будущее социологического образования, которое не должно носить только социогуманитарный характер. Поскольку объектом социологической науки является социальное, но изначально, корнями своими, связанное с биологическим и физиологическим и в синтезированном виде выраженное в человеке и в его взаимодействии с другими людьми, профессиональная подготовка социолога не может игнорировать хотя бы базовый объем знаний о биофизиологической природе и структуре личности.

Поэтому скажу то, в чем не признавался еще ни в одном интервью. Мне очень повезло в жизни прежде всего благодаря получению двух видов образования — медицинского и социогуманитарного (философского). Сначала я получил возможность понять физиологическую материю человека, способы и методы выявления и преодоления его физических недугов. А потом перешел к пониманию того, что есть духовная составляющая человеческого (шире — общественного) организма, как ставить социальный диагноз различным состояниям человека, группы, общества в целом и какие средства излечения социальных недугов рекомендовать. Соединение воедино этих двух уровней понимания природы человека и общества — чрезвычайно интересная

вещь, позволяющая мне быть точнее в своих оценках и интерпретациях результатов социальных исследований.

Б. Д.: Я так и понял. Действительно, это очень редкое сочетание образовательных специальностей. У меня это вообще первый случай.

Поскольку ты человек публичный, год рождения твой — 1950-й — известен, данных о тебе в сети, в прессе и т. п. довольно много, поэтому я некоторые детали пропущу.

В твоих биографических справках отмечается, что в 1973–1976 гг. ты работал заведующим отделом студенческой молодежи Свердловского райкома комсомола. В моей классификации социологических поколений ты относишься к четвертому поколению (мы с Францем Шереги — к третьему) отечественных социологов. Для первых трех поколений движение в социологию через освобожденную комсомольскую и партийную работу — не редкость. Вспомним хотя бы Б. Фирсова, И. Левыкина, Ж. Тощенко, В. Ядова. Для моего поколения это уже редкость, а для твоего — редкость еще бóльшая. И все-таки ты прикипел к оргработе в институте или работа с людьми, молодежью тебя еще в школе привлекала?

М. К.: Комсомольским активистом я стал в вузе. Все началось с того, что в период летних каникул, после первого и второго курсов, по направлению комитета ВЛКСМ института работал пионервожатым в детском лагере «Светлячок» Министерства здравоохранения СССР. А потом был избран членом факультетского бюро комсомола, секретарем факультетского бюро ВЛКСМ, а на четвертом курсе — заместителем секретаря комитета комсомола всего института, комсомольская организация которого насчитывала почти пять тысяч комсомольцев.

Помимо текущей комсомольской работы в течение учебного года, в летние каникулы после третьего и четвертого курсов пришлось освоить и функции командира студенческого строительного отряда. Отряды, которые я возглавлял, работали в Ступинском районе Московской области и в Хакасской автономной области Красноярского края.

Б. Д.: То есть вас не использовали как будущих врачей?

М. К.: В качестве врачей в стройотрядах других вузов работали наиболее успешные студенты старших курсов нашего медвуза. Большинство же студентов первого и второго курсов трудились на строительных и уборочно-полевых работах.

В каждом из стройотрядов, которыми мне пришлось руководить, работало по сто студентов и студенток. И, признаться, нервно-психологического напряжения в мои 20 лет я хлебнул сполна. Когда периодически узнавал сводки о трагических ЧП в других отрядах, сердце, что

называется, оказывалось не на месте. Поэтому день начинал с линейки в семь утра и заканчивал отбоем с обходом всех спальных мест с тем, чтобы лично убедиться — все на месте.

Перед выпуском из мединститута, на комиссии ректората по распределению, мне предложили место в аспирантуре. Я, разумеется, с благодарностью согласился, но попросил, чтобы это место было выделено не по клинической, а по одной из теоретических кафедр, а именно по кафедре биологии. К этому времени я заинтересовался изучением философских проблем существования и развития биологических форм жизни. Ректора института А. И. Белоусова мой выбор немало удивил, хотя он и пообещал сделать запрос на целевое место аспирантуры по кафедре биологии. И, действительно, такой запрос в Минздрав СССР был сделан. Однако практически одновременно в аппарате Свердловского райкома комсомола, в состав которого входила комсомольская организация нашего института, оказалась вакантная должность заведующего студенческим отделом. И меня вызвали в партком института, где доходчиво объяснили, что место в аспирантуре за мной сохранится, а годика два-три надо бы поработать в райкоме, куда меня и порекомендовали. Учитывая, что еще на четвертом курсе я был принят в ряды КПСС, отказаться от предложения по понятным причинам я не мог, о чем, в общем-то, никогда не жалел.

Б. Д.: И что, для тебя это оказалось интереснее аспирантуры?

М. К.: Дело оказалось в другом. Как со временем выяснилось, это принципиально изменило мои творческие, познавательные предпочтения.

Чем больше я втягивался в работу с молодежью, тем все интереснее становилось познавать глубины молодежной психологии, больших социальных общностей в целом. Я стал понимать, что только через канал обычного человеческого общения до сути интересующих меня вещей дойти сложно. Начал читать научную литературу по проблемам молодежи — В. Т. Лисовского, С. Н. Иконникову (ленинградские исследователи). Социальная проблематика становилась все более интересной после того, как в руки попала книга В. Шляпентоха «Социология для всех». Появилось углубленное желание узнать, что такое прикладные социологические исследования и как они проводятся. Дошел до анализа опыта работы Института изучения общественного мнения «Комсомольской правды», которым руководил Борис Грушин, а когда прочитал его книгу «Мир мнений и мнения о мире», я понял, что изучение общественного мнения, механизмов его формирования и функционирования — это мое.

И тут в пору опять благодарить судьбу. В период моих творческих исканий, работая заведующим студотделом Свердловского РК ВЛКСМ, я познакомился с Владимиром Соколовым — в тот период старшим научным сотрудником Академии общественных наук при ЦК КПСС, который проводил среди молодежи Свердловского района г. Москвы социологическое исследование. На его предложение — подключиться к проведению последнего — я откликнулся без всяких раздумий. И приобрел первый опыт организации и проведения прикладного социологического исследования. Это было тем более интересно и важно для меня, поскольку Владимир Михайлович Соколов вел и продолжает вести исследования в области нравственности и морали. Я считаю, что лучше работ на стыке теории и прикладных аспектов анализа морали в советском и российском обществах, чем у него, нет до сих пор. Кстати, Соколов — ученик А. Г. Харчева. Он же меня с Харчевым и познакомил в бытность того главным редактором журнала «Социологические исследования». После окончания аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС (куда можно было поступить только с номенклатурной должности) В. Соколов защитил в этом учреждении диссертацию и был направлен в исследовательский отдел, специально созданный в академии для анализа конкретных прикладных проблем. В течение нескольких лет этот отдел возглавлял Жан Терентьевич Тощенко, который был направлен в АОН при ЦК КПСС из Красноярского крайкома КПСС.

Общаясь с Соколовым, я понял, что в данной области проводится очень много исследований, однако собственно молодежным проблемам посвящены лишь немногие из их числа.

Б. Д.: Михаил, а как в дальнейшем сложились твои отношения с Соколовым?

М. К.: Когда он обнаружил у меня минимальные знания в области социальной, в том числе молодежной, проблематики, социологическую начитанность, и когда я начал выговаривать термины, которых от комсомольского функционера мало кто мог ожидать — «выборочная совокупность», «репрезентативность», «операционализация основных понятий», «корреляция» и т. п., он посмотрел на меня и спросил: «Ты какой вуз оканчивал? Мне говорили, что ты медик?» Я ответил утвердительно, на что в ответ услышал: «А не подумать ли тебе о том, чтобы заняться научной работой, причем в стенах АОН, в недавно созданном исследовательском отделе социологической направленности?» Я подумал, а почему бы нет, хотя понимал, что из райкома

комсомола в столь статусное научное учреждение КПСС попасть не так-то просто. Ведь в образовательные и научные учреждения КПСС, главной задачей которых являлась подготовка высших партийных кадров, в аспирантуру можно было поступить только с очень высокой партийной или комсомольской должности. Но поскольку речь шла не о поступлении в аспирантуру, а о работе в исследовательском отделе младшим научным сотрудником, то один шанс из сотни у меня все-таки был, так как все упиралось в решение не приемной комиссии, а непосредственно руководства академии. И надо представить сцену, о которой мне рассказали потом. Когда Соколов докладывал мою анкету ректору АОН (члену-корреспонденту АН СССР М. Т. Иовчуку), он, прочитав строчку об образовании, посмотрел суровыми глазами на Соколова и воскликнул: «Нам еще медиков, да к тому же стоматологов, не хватает в Академии общественных наук». Объяснения Соколова, что речь идет не о поступлении в аспирантуру АОН, а о научно-исследовательской работе в должности младшего научного сотрудника, судя по всему, не убеждали ректора академии.

На мое счастье, за его спиной стоял Вячеслав Шестаковский — в тот период ученый секретарь АОН. «Зря вы этого молодого парня из комсомола обижаете, — заметил он. — Ведь под руководством В. Соколова он ведет исследовательскую работу по молодежной проблематике. А потом, что значит, “только медика не хватает”. Я сам оканчивал Львовский медицинский институт, и это не помешало мне защитить кандидатскую диссертацию по философской специальности и стать ученым секретарем Академии общественных наук при ЦК КПСС». После этих слов ректор АОН молча подписал приказ о моем зачислении в штат АОН. Правда, на следующий день вызвал к себе и довольно жестко произнес: «Будешь возглавлять комсомольскую организацию АОН (в ней тогда насчитывалось всего 150 человек, но каких...), а то в последнее время разболтанности стало много». Естественно, пришлось согласиться.

Таким образом, я стал младшим научным сотрудником ведущего в стране научного учреждения КПСС, причем в Отделе по исследованию эффективности партийной пропаганды и политической информации. Это произошло в октябре 1976 г. В тот момент отделом руководил С. Мосягин, ранее работавший секретарем Астраханского обкома партии. Потом он был избран секретарем парткома АОН. Его заместителем был Ж. Т. Тощенко, в то время уже успешно защитивший докторскую диссертацию. Именно ему было поручено провести беседу со мной первым и объяснить, в чем будут состоять мои научные

и научно-организационные обязанности. С тех пор, вот уже почти 40 лет, мы с Жаном Терентьевичем работаем и сотрудничаем в очень тесной творческой связи.

Не могу не сказать о том, что меня очень приветливо встретили в коллективе отдела. К моему приходу в нем уже работали широко известные в социологии специалисты, в том числе те, кто был причастен к этапу укрепления в стране социологии как самостоятельной отрасли социального знания. Прежде всего, я говорю о Геннадии Журавлеве и Артеме Кулагине, внесших большой вклад в развитие математических методов социологии. Активную и чисто человеческую поддержку оказал Мирослав Никорук — мастер подготовки социолого-аналитических материалов. И, конечно, Владимир Попов, выросший впоследствии в крупного социолога — социального психолога, который стал буквально опекать меня и с которым у меня сложились не только творческие, но и многолетние дружеские отношения.

Уже через полгода после начала работы в АОН я был направлен в командировку с задачей организовать проведение в Иркутской области, а затем в Приморском крае исследования общественного мнения по обнародованному весной 1977 г. проекту новой Конституции СССР. Во Владивостоке ко мне присоединился Володя Юматов — тоже м. н. с. нашего отдела и, как я позже узнал, любимый племянник широко известного советского актера Георгия Юматова. Социологическая профессия удерживала его недолго, в конечном счете сработали гены. С трудом, но он сумел вступить на актерскую тропу и в последующие годы играл и продолжает играть ключевые роли в самых громких российских детективных сериалах.

Работая вместе с местными социологами, я приобрел очень полезный опыт проведения массовых опросов и подготовки аналитических материалов по их итогам. По сути дела, этот опыт помог мне окончательно определиться с темой кандидатской диссертации. Я решил посвятить свои научные изыскания проблематике природы, механизмов формирования и проявления общественного мнения.

Мой выбор одобрил и В. М. Соколов, и его наставник, работавший тогда в АОН профессор Александр Константинович Уледов. Он и Борис Андреевич Грушин считались тогда главными знатоками того, что такое «общественное мнение».

Б. Д.: В каком статусе ты начал работать над кандидатской диссертацией — как соискатель?

М. К.: Именно так, другой возможности не было. Надо было писать научно диссертательный текст без отрыва от производства. Тема

диссертации была утверждена на специализированном совете при кафедре теории и методов идеологической работы, а моим научным руководителем был утвержден профессор А. К. Уледов, с которым (скажу, забегая вперед) меня связали многие годы творческого сотрудничества, что позволяет мне считать себя выходцем из философско-социологической школы Уледова — крупнейшего и, на мой взгляд, еще не оцененного в полной мере советского философа.

Конечно, я старался сильно не докучать своему научному руководителю. Фактически после утверждения плана диссертации я только два-три раза просил Александра Константиновича ознакомиться с подготовленными мною разделами диссертации.

Б. Д.: Как ты сдавал кандидатские экзамены?

М. К.: Сдавать их приходилось с группой аспирантов, обучавшихся на кафедре теории и методов идеологической работы. А для этого нужно было заниматься на всех семинарах для аспирантов и прослушать курс лекций, которые читали известные советские ученые — Г. Е. Глезерман, К. Х. Момджян, П. К. Курочкин, Д. А. Керимов и др. Такая двухлетняя образовательная подготовка в области социального знания стоила не меньше, а может быть, и больше пятилетнего институтского гуманитарного образования.

Б. Д.: Тема диссертации формулировалась так: «Формирование и функционирование социалистического общественного мнения». Если в нескольких словах (давно это уже было, ты защищал диссертацию в июне 1979 г.), что ты там обнаружил? Какую идею или вывод мог бы сегодня вспомнить?

М. К.: Сначала попытался вникнуть и представить свое понимание сущности общественного мнения. Внимательно проштудировал уже опубликованные работы по данной проблематике, в том числе таких авторов, как В. Коробейников, Б. Ерунов, В. Падерин, В. Комаровский, Ю. Замошкин, Р. Сафаров и др. При этом с удивлением обнаружил, что по количеству имеющихся дефиниций это явление можно считать рекордсменом. Только в отечественной литературе я обнаружил около тридцати определений общественного мнения. А специфику его формирования и функционирования рискнул вывести из уникальной роли, которую выполняет общественное мнение, будучи объединяющей связкой массового сознания и массового поведения. Речь идет о том, что, как оценочно-ценностное по своей природе суждение, оно способно не только определять духовное (вербальное) отношение людей к событиям, явлениям и процессам, но и влиять на практическую составляющую данного отношения.

Б. Д.: Это Тощенко использовал в таких случаях понятие «зрелое общественное мнение» или его еще Уледов применял?

М. К.: Уледов часто оперировал понятием компетентного мнения, а многолетняя дискуссия с Грушиным возникла на почве трактовки общественного мнения как монистического (Уледов) или плюралистического (Грушин) образования.

Б. Д.: Как я понял, первая глава твоей кандидатской носила теоретико-методологический характер. А вторая?

М. К.: Вся вторая глава диссертации была посвящена опыту изучения общественного мнения в Советском Союзе. Я использовал обширную базу данных исследований, которые проводились отделом АОН, в котором я работал. Причем результаты массовых опросов, ставшие предметом анализа в диссертации, были связаны не только с общественно-политической, но и с духовно-нравственной проблематикой. Здесь мне очень пригодился исследовательский методический опыт, переданный мне В. Соколовым, в частности, опыт использования в инструментариях опросов прожективных ситуаций.

Б. Д.: Выше ты упоминал фамилию Сафарова. По-моему, он предлагал в свое время дать специальное название науке об общественном мнении?

М. К.: Да, именно он предложил назвать эту науку *опинионикой*. В ряде публикаций Рафаэль Сафаров продвигал данный термин, но он так и не прижился. И все же его монография «Общественное мнение и государственное управление» считается значительным вкладом в разработку теоретических основ изучения данного феномена. В своей кандидатской и в последующих научных работах я не раз на нее ссылался. Это был очень интересный и оригинально мыслящий ученый, общение с которым всегда вызывало у меня творческое и просто человеческое удовлетворение.

Б. Д.: Ты защищал кандидатскую в июне 1979 г., но, судя по твоей служебной справке, в твоей трудовой биографии произошли существенные перемены?

М. К.: Действительно, незадолго до защиты меня пригласили к ректору Академии общественных наук, которая годом ранее была реорганизована путем объединения бывшей АОН, ВПШ и заочной ВПШ при ЦК КПСС. Новым ректором АОН был назначен доктор экономических наук, профессор Вадим Андреевич Медведев, ранее работавший зам. заведующего отделом пропаганды ЦК партии. Разговор был недолгим. Он полистал автореферат моей диссертации, поинтересовался имеющимся у меня опытом проведения социологических

опросов и предложил стать референтом ректора АОН при ЦК КПСС. Мог ли я тогда предположить, какое определяющее воздействие на мою профессиональную и творческую судьбу окажет эта встреча? Но в то время все мысли были о предстоящей защите, которая, несмотря на то что я защищался не в статусе аспиранта АОН, а в качестве соискателя, прошла успешно. Через несколько месяцев я получил диплом кандидата философских наук по специальности 09.00.02 — научный коммунизм; социологических специальностей в то время, как известно, не существовало.

Б. Д.: Насколько я знаю, АОН являлась не только высшим научным, но и учебным учреждением КПСС. Удалось ли тебе, наряду с научной, освоить и педагогическую деятельность?

М. К.: В структуру АОН, помимо Отделения аспирантуры, входило Отделение слушателей, на которое также принимались статусные партийные, государственные и комсомольские чины. Но срок обучения в нем, в отличие от трехлетней аспирантуры, был два года, после которых надлежало защитить диплом.

В первый год работы референтом ректора АОН было не до преподавательской деятельности: все время уходило на освоение многопланового содержания референтских обязанностей. Однако по прошествии адаптационного периода сам В. А. Медведев посоветовал мне подключиться по совместительству к преподавательской работе на одной из кафедр АОН. Я выбрал кафедру теории и методов идеологической работы, которую в новой академии возглавил Ж. Т. Тощенко, и стал выполнять обязанности и. о. доцента по этой кафедре. За мной для чтения одного из спецкурсов закрепили постоянную группу слушателей и двух потенциальных дипломников.

Конечно, у меня было определенное волнение по части преподавательской деятельности, поскольку на тот момент мне было 30 лет, а большинству слушателей — от 35 лет и выше. К тому же в годы моей работы слушателями АОН были ставшие уже в новое время известными политическими и общественными деятелями Г. Зюганов, Е. Лахова и др.

Б. Д.: Мы как-то бегло упомянули Уледова. Хотелось бы вернуться, чтобы вспомнить о нем более обстоятельно.

М. К.: В процессе становления и развития АОН нового образца по инициативе ректора академии В. А. Медведева стали создаваться новые кафедры, к руководству которых пришли такие известные ученые, как Л. И. Абалкин, Р. А. Белоусов, Ю. А. Красин, Л. Н. Москвичев, Д. А. Керимов. Одну из новых кафедр, а именно кафедру социологии и социальной психологии, возглавил А. К. Уледов. В процессе

формирования научно-преподавательского состава он предложил мне стать заместителем руководителя кафедры по науке и курировать социологическую составляющую учебной и научной работы кафедры.

Б. Д.: Но при этом ты еще оставался референтом ректора АОН?

М. К.: Да, продолжая выполнять функции референта ректора, я совмещал работу в должности заместителя руководителя кафедры. Составлял планы учебной работы, разрабатывал спецкурсы, программы социологических опросов, сам вел спецкурс по прикладной социологии в аспирантских группах. Во всем этом я постоянно ощущал поддержку А. К. Уледова.

Б. Д.: Уледов был психологом по образованию?

М. К.: Уледов был философом. До АОН он работал на философской кафедре МГУ. Его очень сильная сторона — теоретико-методологические обоснование исследований общественных явлений и процессов, установление их причинно-следственных связей. Ему принадлежит авторство первой в СССР книги по общественному мнению. Она вышла в 1963 г. и называлась «Общественное мнение советского общества». Далее была книга, которая и в настоящее время остается классической, — «Структура общественного сознания» (1968). Обидно, но как-то незаметно в нашей общественной науке прошли две другие его книги — «Социологические законы» и «Духовная жизнь общества». На мой взгляд, он был редким мастером взаимосвязи научно-теоретического и логического и остается не до конца оцененным как один из наиболее ярких представителей советской философско-социологической школы. Я горжусь тем, что могу считать себя выходцем из этой школы. И, конечно, я был очень рад тому, что А. К. Уледов согласился стать научным консультантом по моей докторской диссертации. Он сразу же поддержал мою идею положить в основу работы реконструкцию социально-исторических типов общественного мнения и тех функций, которые оно выполняло в условиях различных общественно-экономических формаций начиная с первобытнообщинной.

Б. Д.: Но ведь, по представлениям многих, общественное мнение есть только там, где функционируют средства массовой информации, которых на ранних стадиях развития человеческого общества, естественно, не было.

М. К.: Извини, но это неверные представления.

Б. Д.: Ты их оспариваешь?

М. К.: Я оспариваю утверждение о якобы принципиальной невозможности существования разных социально-исторических типов

общественного мнения без участия масс-медиа. Например, в родовой общине оно не охватывало сотни тысяч, и тем более миллионы его носителей, однако реально существовало и оказывало влияние на жизнь общины, пусть и численностью в несколько сотен человек.

Б. Д.: Но жизнь родовой общины могла определяться и ее традициями.

М. К.: А традиции как складывались и кем поддерживались? Через общественное мнение, через исторически складывающееся единое отношение к правилам совместной (коллективной) жизни. Все, что закреплялось в общем мнении и поддерживалось силой его авторитета, утверждалось в дальнейшем в нормах, традициях. Другое дело, что в процессе исторического развития множилось количество факторов, воздействующих на формирование общественного мнения. И чем шире становился его субъект, тем все более всеохватывающими становились средства, определяющие состояние общественного мнения. Вот так и пришли к тому, что зачастую оно в значительной степени оказывается масс-медийным по своему происхождению.

Б. Д.: Об этом обстоятельно писал Б. Грушин, исследуя природу массового сознания. А как складывалось твое общение с ним? Как его «вечный» оппонент А. К. Уледов смотрел на ваши отношения?

М. К.: А. К. Уледов воспринимал их вполне конструктивно, поскольку видел, что я стремлюсь разобраться в наиболее дискуссионных теоретико-методологических вопросах сущности общественного мнения. А познакомился я с Грушиным в конце 1970-х гг. на учебе комсомольского актива, на которой мы выступали по вопросам методики и практики изучения общественного мнения, в том числе в молодежной среде.

После первого знакомства, когда он узнал, что я всерьез начинаю заниматься докторской по проблематике общественного мнения и что, по сути, разделяю позицию Уледова относительно монистической природы данного социального явления, мы много раз дискутировали по данному поводу. Это позволяло полнее понимать, в чем, собственно, состоят принципиальные расхождения в уледовской и грушинской концепциях. Но главное, что в конечном счете я пришел к выводу: надо не противопоставлять, а взаимодополнять подходы Уледова и Грушина. На стадии зарождения и формирования общественное мнение отличается множественностью суждений (Грушин), а на стадии функционирования — монистическим, внутренне единым характером (Уледов). Именно от такого понимания я отталкивался, выдвигая в своей докторской *динамическую концепцию общественного мнения*.

Б. Д.: Как ты познакомился и начал работать вместе с нашим общим другом Францем Шереги?

М. К.: Это знакомство произошло в 1978 г., накануне XVIII съезда ВЛКСМ, и очень сильно отразилось на овладении мною знаниями и навыками в области прикладной социологии. В тот момент в АОН при ЦК КПСС и в ВКШ при ЦК ВЛКСМ (где работал Франц) пришла директива о проведении среди советской молодежи ширококомасштабного опроса, посвященного предстоящему комсомольскому съезду. Каждый из нас получил подобное поручение по своему ведомству. Помню, мы встретились на Садово-Кудринской, дом 9, в старом здании АОН, и после краткого знакомства обсудили возможные варианты осуществления массового опроса молодежи. И уже в конце определения программы наших действий нам пришла идея провести не один, а три опроса: «Молодежь накануне съезда», «Молодежь во время работы съезда», «Молодежь после съезда». Это стало первым методическим опытом изучения общественного мнения в динамике. Конечно, мне это сильно пригодилось в работе над кандидатской диссертацией и в дальнейшем изучении мнений и настроений в контексте их развития, изменения, проявления.

Б. Д.: И с тех пор почти уже сорок лет вы дружите и проводите совместные исследования.

М. К.: Именно так. Количество совместно проведенных исследований давно перевалило за сотню. Но немало было и опубликованных в соавторстве научных статей, методических пособий и учебников по прикладной социологии. Все началось с выпуска в центральном партийном издательстве «Политиздат» книги «Как провести социологическое исследование», в которой, кстати сказать, разделы по методам почтового опроса и наблюдения написаны тобой. Причем книга вышла как методическое пособие в помощь идеологическому активу (который в то время заболел социологией) первым тиражом в 90 тыс. экземпляров и вторым — в 50 тыс. экземпляров (1989 и 1990 гг.). Сегодня такие тиражи социологической литературы и представить невозможно! А до первого издания книги ее разделы, посвященные отдельным темам подготовки сбора, методов сбора и анализа социологической информации, печатались в одном из главных партийных журналов — журнале «Политическое самообразование», выходившем тиражом более 1 млн экземпляров. Вот и слушай после этого сказки о том, что в советское время социологию зажимали.

Б. Д.: Теперь вот что меня интересует. В какой мере твоя концепция советского общественного мнения распространяется на природу современного российского общественного мнения? Все ли концептуально переносится или в силу многих обстоятельств оно стало иным?

М. К.: По своей фундаментальной сущности оно такое же. По содержанию и механизмам формирования, конечно, изменилось. Институты влияния на него совсем иные, условия образования и проявления качественно изменились: отношение к восприятию реального стало более острым и оперативным, чем тогда... Расширился предмет его интереса. В нем меньше искусственных наслоений, оно более прозрачно, чем в советское время, когда можно было четко разделить «публичное мнение» и мнение «в рабочей курилке или на домашней кухне».

Б. Д.: Ты думаешь, что сейчас оно более естественное?

М. К.: Полагаю, что да. В настоящее время с первого социологического замера можно получить отражение реального состояния российского общественного мнения.

Б. Д.: В этом смысле я понял. То есть ты даешь свою оценку с точки зрения интерпретации состояния общественного мнения. Сегодня объяснять его проще и легче, чем в советские годы, тогда надо было додумывать?

М. К.: Не совсем так. С точки зрения выявления реального состояния общественного мнения все проще, яснее. А вот с точки зрения его интерпретации — это многоуровневый процесс. И он протекает гораздо сложнее, чем раньше, хотя бы по причине необходимости многофакторного анализа, которым и занимается наш академический институт. Перед такими известными российскими центрами, как ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр, подобного рода задача не стоит. Они работают по принципу фабрики по производству оперативной и описательной информации, выполняя важные функции прикладной социологии.

Б. Д.: Они же полстеры, а ты и твой научный коллектив — социологи. Они сегодня фиксируют это, а завтра — это, и так далее.

М. К.: В отличие от таких центров, наша задача — работать в аналитическом жанре, производить главным образом аналитическую социологическую информацию, дающую понимание причинно-следственных связей, которые определяют природу и особенности проявления исследуемых социальных явлений и процессов. Иными словами, мы стремимся понять, почему данное явление в жизни возникло, через какие этапы своего развития оно прошло, и чем это обернулось для реальной жизни общества, социальных групп, индивидов, и во что может превратиться завтра. Согласись, если ответить только на два первых вопроса, будет уже немало.

М. К.: Подобный подход связан с разделением труда внутри исследовательского сообщества. Грушин тоже работал как академический ученый, в полном смысле этого слова, и не как полстер. Но он не был

бы услышан, если бы о нем говорили, что он подходит к изучению общественного мнения субъективистски, что он изучает общественное мнение, как и американцы. Нет, Грушин являл собой фигуру классического социолога.

М. К.: Согласен. Все фундаментальные научные труды Грушина, посвященные природе общественного мнения и массового сознания, — это академические труды.

Б. Д.: После защиты докторской диссертации в АОН ты был переведен на партийную работу в аппарат ЦК КПСС и всего за два года прошел статусные должности — инструктор, заведующий сектором отдела науки и учебных заведений, помощник члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС (В. А. Медведева). А в сентябре 1990 г. ты стал первым заместителем директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Сегодня ты один из немногих, кто знает кухню работы с данными об общественном мнении в высших эшелонах партийной власти и нынешней России. Ты помнишь ту и знаешь эту. На твой взгляд, что изменилось, кто больше доверял данным, старался учитывать их в процессе выработки важных политических решений? Вообще, каково отношение прежней и нынешней властной элиты к результатам социологических исследований?

М. К.: Честно говоря, каких-то принципиальных различий я не наблюдаю. И тогда, и в 1990-е, и в нынешние годы сказываются сущностные факторы, определяющие характер отношения власти к социологическим данным, особенно к тем, в которых отражается оценка населением деятельности властных структур в разных сферах общественной жизни. Я имею в виду, что никогда и никакая власть не питала особой любви к социологии. Причем существует устойчивый стереотип, что все неприятности у отечественной социологической науки начались при Сталине. Это не так. При нем они возобновились. А коренная, так ее можно назвать, реакция власти на социологию проявилась еще в досоветское время, при Николае II. Это выразилось в его отношении к созданной по инициативе Максима Ковалевского и его единомышленников в Париже в 1904 г. первой Русской высшей школе общественных наук, слушателями которой оказались многие впоследствии известные политические оппозиционеры царского режима. Так вот, Николай II потребовал закрытия этой школы (что случилось в 1906 г.) под угрозой лишения ее слушателей российского гражданства.

А вот что касается практического использования социологии, то здесь, безусловно, выделяются 70–80-е годы прошлого века, когда во всех региональных партийных комитетах и на крупных промышленных

предприятиях работали социологические службы, по результатам деятельности которых принимались политико-управленческие решения, разрабатывались планы социально-экономического развития. В тот период социологические данные активно использовались в аналитическом плане и в аппарате ЦК КПСС. Правда, моя служебная записка о создании системы изучения общественного мнения в партии (в масштабах всей КПСС), направленная, по предложению В. А. Медведева, Горбачеву, «потерялась», а несколько позже оказалась в сейфе одного из тогдашних помощников Михаила Сергеевича. Это как раз яркий пример того, что в перестроечные времена было названо механизмом торможения.

В современных условиях, если исходить из собственных впечатлений, социология и ее данные еще как-то востребованы в регионах, в том числе в органах законодательной и исполнительной власти. Что касается центра, то здесь все последние годы ставка делается на оперативно работающие социологические службы и на кулуарное использование данных опросов. Исследования академического, фундаментального характера федеральными ведомствами финансируются очень слабо, да и то через тендеры, которые в силу известных обстоятельств выигрывают далекие от настоящей науки структуры. Что же касается Российской академии наук, а теперь — Федерального агентства научных организаций (ФАНО), то по их линии финансирование социологических, как, впрочем, и других научных исследований, не осуществляется. В сметы расходов академических институтов заложены только две статьи — на заработную плату и на коммунальные платежи.

Б. Д.: Да, прямо скажем, не густо. А может быть, ты вспомнишь про Российский независимый институт социальных и национальных проблем, который ты возглавил после распада СССР, ликвидации КПСС и всех ее научных и учебных структур? Как он возник, что вы успели осуществить за десять лет его функционирования? Это очень сложный и противоречивый период, и институт, созданный тобой вместе с твоими коллегами, интересный.

М. К.: Сначала небольшая предыстория. Дело в том, что летом 1990 г., после очередного и, как выяснилось позже, последнего съезда КПСС, состав руководящих органов КПСС сильно обновился, и такие члены Политбюро ЦК КПСС, как А. Н. Яковлев, В. А. Медведев, перешли на работу в Госсовет в качестве советников Президента СССР. В. А. Медведев предложил мне войти в аппарат Президента СССР, в группу его консультантов. Я размышлял недолго и выразил желание вернуться на научную работу. Тогда были две вакансии, которые могли

быть мне предложены исходя из моего статуса: Академия общественных наук — проректор по научной работе, и Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — первый заместитель директора института. Учитывая, что несколько последних месяцев директор ИМЛ академик Г. Л. Смирнов настойчиво предлагал мне перейти к нему первым замом, я выбрал ИМЛ. А утром следующего дня было подписано решение Секретариата ЦК КПСС о переводе меня на эту должность.

Практически сразу после нового назначения я взял отпуск, а в начале сентября вышел на работу в ИМЛ, которая продолжалась ровно год — до начала сентября 1991 г. Причем год моей работы в высшем научном и идеологическом учреждении ЦК КПСС, которым считался ИМЛ, можно поделить на два периода: с сентября 1990 г. по март 1991 г. и с марта по август 1991 г. Первые полгода в качестве первого заместителя директора института я курировал ряд отделов, в том числе Отдел современных проблем социализма, который возглавлял известный социолог А. Г. Здравомыслов (переехавший тогда из Ленинграда в Москву), а также Центральный партийный архив, входивший в структуру ИМЛ, его международные связи и издательскую деятельность.

В первые месяцы своей новой работы, помимо уже упомянутого Здравомыслова, я тесно познакомился и стал активно сотрудничать с такими крупными учеными-обществоведами, как М. Мчедлов, Г. Багатурия, Э. Баграмов, В. Выгодский, В. Горбунов и др. Наряду с этим, очень интересно и творчески насыщено стали складываться отношения с учеными молодого и среднего по тем временам поколений (а ныне довольно известными социологами и политологами) — А. Андреевым, Б. Славиним, В. Петуховым, Н. Тихоновой, А. Чепуренко, Е. Виттенбергом и др. Все более полно и глубоко входя в дела института, я знакомился с его уникальной историей, берущей начало в 1922 г., когда был создан Институт Маркса и Энгельса, преобразованный в дальнейшем в Институт Маркса — Энгельса — Ленина, Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и, наконец, в Институт марксизма-ленинизма (который стал лично курировать главный советский идеолог Михаил Андреевич Сулов). Но и это оказалось не последней страницей его истории. В марте 1991 г. решением Секретариата ЦК КПСС Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был преобразован в Институт теории и истории социализма ЦК КПСС (ИТИС ЦК КПСС). Поскольку за месяц до этого директор ИМЛ академик АН СССР Г. Смирнов перенес тяжелую операцию, исполняющим обязанности директора вновь образованного института был назначен я (всего-то при сорока

годах от роду). Помню, вопрос на заседании Секретариата ЦК КПСС докладывал А. С. Дзасохов (тогда секретарь ЦК КПСС по идеологии, а впоследствии Президент Республики Северной Осетии — Алании). В прениях по данному вопросу выступили секретари ЦК Е. Лигачев, В. Ивашко, В. Фалин. На мое сообщение о том, как я вижу работу нового института, было отведено ровно десять минут.

Передо мной была поставлена задача (если опустить детали) придать ИТИСу (который без приставки «при ЦК» приобрел статус Отдела ЦК КПСС) современный облик, развернуть, наряду с фундаментальными исследованиями истории социализма, разработку актуальных проблем современного социализма, сократить количество штатных сотрудников нового института до 400 единиц (было свыше тысячи), сделать ставку на кадровое обновление и омоложение научного коллектива.

Б. Д.: Ну да, там еще, наверное, были сотрудники, которые Георгия Димитрова помнили?

М. К.: Может быть, и были, поскольку в институте трудилось много лиц пенсионного возраста. Так или иначе, тогда я принял для себя очень важное решение — не рубить с плеча, а действовать при формировании нового научного коллектива по принципу слияния молодости и опыта. Уже к лету штатная численность ИТИС стала составлять немногим более 400 человек, безо всяких конфликтов и скандалов начал складываться действительно новый и, как мы тогда считали, перспективный научный коллектив. Но... Грянули события августа 1991 г., которые перевернули все наши планы, в том числе заставили поставить точку в подготовке нашего первого научного и идеологического труда — декларации «За гуманный демократический социализм», которую планировалось вынести на обсуждение очередного съезда КПСС.

Б. Д.: И что же стало с ИТИС ЦК КПСС после ликвидации всех структур КПСС в соответствии с известными указами Б. Ельцина?

М. К.: Как и все другие партийные научные и учебные заведения КПСС, он был упразднен, а мне было предписано не предпринимать никаких действий без согласования с ельцинской администрацией и ожидать той участи, которая позднее может коснуться коллектив ИТИС и меня лично. Причин для подобного указания было как минимум две. Одна, безусловно, была связана с комплексом зданий, в котором в годы Великой Отечественной войны находился аппарат Коминтерна (Третьего Интернационала) и его руководитель Георгий Димитров. Мог ли когда-нибудь предположить, что буду работать в кабинете бывшего руководителя Коминтерна площадью свыше 100 кв. м? Кстати сказать,

и территория комплекса довольно уникальная — отведенная часть земли ботанического сада на ВДНХ.

Б. Д.: Помню, помню твои масштабные рабочие пенаты на улице Вильгельма Пика. Вспоминаю и портрет, который висел у твоего рабочего стола, с надписью «Здесь работал выдающийся деятель международного коммунистического движения Георгий Димитров».

М. К.: Вторая причина особого внимания к нам — это высококвалифицированный состав научного коллектива, который, конечно же, надо было постараться использовать в интересах новой власти. Хорошо понимая это и собрав группу коллег (о них я говорил выше), готовых к нестандартным, но обдуманным и решительным действиям, я предложил не дожидаться, когда новые власть имущие начнут решать за нас нашу судьбу, и самим учредить научный институт нового типа. Предложение было поддержано. Осталось провести учредительное собрание с участием тех ученых, которые выразят готовность идти на рискованное существование. Так мы и поступили: на собрании исследователей-энтузиастов был учрежден первый в России негосударственный многопрофильный институт по социогуманитарным наукам, получивший название Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП). Я был избран его генеральным директором. Далее события развивались стремительно. Пользуясь тем, что после провала ГКЧП всем было не до нас (по крайней мере, в сентябре-октябре нас никто не трогал, никаких предложений не делал), мы отправили учредительные документы в Межведомственную комиссию Моссовета, которая обладала правовыми полномочиями учреждать общественные объединения. А именно эту правовую форму мы для созданного РНИСиНП поначалу и выбрали. В конце октября 1991 г. у нас в руках уже были утвержденные документы. Последовал вызов меня в Администрацию Президента РФ. Руководитель Администрации Ю. В. Петров резко отчитал меня за несогласованные и несанкционированные действия. Приговор был короткий: «Пойдешь объясняться к вице-президенту РФ А. В. Руцкому». Тот принял меня настороженно, но, как показалось, с любопытствующим взглядом. Первый вопрос: «А чем собираетесь заниматься в новом институте?» Я стал объяснять, какие направления научной работы хотелось бы сделать основными: проблемы теории и практики трансформационных процессов в России, различные аспекты ее социально-политической истории, изучение межнациональных и межконфессиональных отношений, социологические исследования динамики массового сознания, в том числе развитие такой новой для наших условий отрасли социологии,

как электоральная социология, и т. д. «А на что жить будете? Бюджетных денег вы не получите!» Я отвечаю: «Попробуем заинтересовать кого-нибудь своей научной и издательской продукцией. Дайте нам хотя бы какое-то время, а там...» — «Ну ладно, — снисходительно произнес А. В. Рущкой, — даем шесть месяцев. Вы живите, работайте дальше. Будете загибаться — помогать не будем!» Петров одобритительно кивнул головой, добавив: «Контролировать буду лично, но не забывайте, что вам еще надо закрепить за институтом помещения, в которых ранее размещался ИМЛ, а затем и ИТИС».

Слова «еще надо» прозвучали не случайно. Это было посложнее учредительства РНИСиНП. Такой исторически известный комплекс, да со столь живописной территорией. Памятуй о том, что «нет таких крепостей, которые бы не могли взять большевики», мы мобилизовали все возможные (и невозможные) наши ресурсы, чтобы добиться официальной передачи институту помещений, с которыми многие из нас уже сроднились ранее. Не буду раскрывать всех тайн, но в начале 1992 г. вышло подписанное Б. Н. Ельциным распоряжение Президента РФ о передаче РНИСиНПу в долгосрочную аренду сроком на 20 лет комплекса зданий по адресу г. Москва, улица Вильгельма Пика, дом 4.

Через неделю после выхода этого безусловно исторического для нас документа я уже находился в кабинете руководителя Госкомимущества РФ, которым в то время являлся А. Б. Чубайс. Предстояло определиться с ценой аренды за 1 кв. м и оформить долгосрочный договор. Чубайс со свойственной ему до сих пор хитровой улыбкой всматривался в меня, задавал, надо сказать, довольно серьезные вопросы о наших творческих планах и согласился на самые-самые льготные по тем временам ставки арендной платы, которые мы вполне могли потянуть. Долгосрочный договор аренды был подписан, и можно было начинать серьезно заниматься научными делами.

Б. Д.: Наверняка идей было громадье, но сроки для самоутверждения были ограничены, да и проблемы стартовых финансовых средств существовали. Как же вы выкручивались?

М. К.: С трудом, зачастую с большим напрягом, но все же двигались по намеченному пути. Решение первоочередных финансовых вопросов взял на себя наблюдательный совет РНИСиНП, в который вошел ряд предприимчивых людей. Дирекция института определила главные приоритеты научной и издательской деятельности. Франц Шереги помог провести два первых массовых опроса с использованием общероссийской выборки (1500 человек) в апреле и июне 1992 г. Активную работу по подготовке ряда издательских проектов развернула группа

политических историков института, и, прежде всего, В. Журавлев, А. Ненароков, В. Шелохаев, А. Сорокин и др. М. Мчедлов, наряду с разработкой теоретических проблем переходных состояний в обществе, приступил к религиоведческим исследованиям. Группа Э. Баграмова начала отслеживать сложные и противоречивые процессы, которые стали происходить в национальных республиках России.

Первые результаты работы РНИСиНПА не заставили себя долго ждать. Все началось с того, что на рабочий стол руководителя Администрации Президента РФ Ю. В. Петрова стали ложиться аналитические записки по итогам наших массовых опросов. Результаты, которые там приводились, показывали, что уже к лету 1992 г. отношение населения к реформам Ельцина — Гайдара стало меняться, причем не в лучшую сторону. А рейтинг доверия первому Президенту РФ приобрел тенденцию к снижению. Реакция Ю. Петрова на записки была краткой и эмоциональной: «Вы, конечно, молодцы! Материал серьезный, но как я буду его докладывать Борису Николаевичу?». Не знаю судьбу наших социологических записок, но зато очень хорошо знаю и помню реакцию на наш первый документально-издательский проект. Я имею в виду выпущенную издательством «Терра» книгу «Горбачев — Ельцин: 1500 дней политического противостояния». Как мне тогда рассказывали, Ельцин одаривал этой книжкой всех своих официальных коллег на территории СНГ, а Горбачев при первой же после ее выхода встрече сетовал на то, что при подборке документов, опубликованных в ней, общий баланс оценочных положений, дающих понять, кто из оппонентов больше прав, оказался не в его пользу (что, конечно же, было не так).

Б.Д.: Я не видел эту книгу. Удивляюсь, как вы смогли подготовить ее так быстро.

М.К.: Без опытных политических историков, которые имели высочайшую квалификацию, накопленную ранее в ИМЛ в работе с документами, это было бы невозможно. Кстати сказать, вскоре книга была переведена на китайский и японский языки.

Б.Д.: И что же было потом? Вам же давали ограниченный срок для самоутверждения?

М.К.: После наших первых творческих деяний, о том, быть РНИСиНПУ или не быть, уже никто в Администрации Президента не вспоминал. А мы наращивали темпы, объемы и качество наших исследований и изданий. На основе документов (в том числе малоизвестных) вышли такие книги, как «Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?», «Красное или белое? Драма августа-91». Начал выходить ежегодник РНИСиНП «Обновление России: трудный поиск решений».

Продолжали при участии Центра социального прогнозирования и маркетинга, созданного в те годы Ф. Шереги, проводить ежеквартальные мониторинговые социологические опросы. Одновременно периодически отбивались от разного рода лиц, положивших свой глаз на помещения, которые занимал институт. Самым наглым в этом отношении оказался Сергей Станкевич — в тот период заместитель председателя Московского совета и Советник Президента РФ по политическим вопросам. Если выбирать, с кого писать портрет бывших завлабов и младших научных сотрудников, ставших в условиях ельцинских реформ властными распорядителями, так он — один из самых ярких персонажей.

К нашему комплексу зданий у него был особый интерес, так как в него входила бывшая библиотека Коминтерна (после Октябрьской революции 1917 г. по поручению Ленина ее еще Рязанов начал собирать). В этой библиотеке находились подлинники уникальных изданий. Например, один из дошедших до наших дней томик Кампанеллы «Город солнца», полное собрание белогвардейских мемуаров, коллекция большевистских листовок. В эту библиотеку были переданы и все книги из личной библиотеки Сталина с его пометками. И все это вместе с нашими помещениями Станкевич пожелал забрать под свою коммерческую структуру, сначала отсудив их у РНИСиНПа. Но трижды заседавший по данному вопросу Арбатский суд принял решение в нашу пользу.

Б. Д.: Надеюсь, подобные нештатные ситуации не сильно отразились на исследовательской работе РНИСиНПа?

М. К.: Нервы, конечно, помотали, но с научного ритма не сбили. Тем более приближались президентские выборы 1996 г. и открывалась возможность отработать методологию и методику электоральных опросов, а вместе с этим и поддержать создание в российской социологии самостоятельного направления — электоральной социологии. Тем более, что на этом поприще начинал работать Нугзар Бетанели, возглавлявший тогда социологическое подразделение ФАПСИ.

Б. Д.: Да, да, он раньше работал у Э. Шеварднадзе в ЦК КП Грузии, проводил опросы общественного мнения.

М. К.: Верно, но в 1987 г. по моему предложению его перевели в АОН при ЦК КПСС на кафедру социологии и социальной психологии. Однако надо сказать, что в середине 1990-х гг. к электоральной социологии примерялись и другие центры — ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР. Но что примечательно: чем чаще мы проводили опросы электората, тем больше я убеждался в необходимости придавать их результатам публичный характер. Так возникла идея сотрудничества с «Независимой газетой»,

главным редактором которой в те годы был Владислав Третьяков. Он многие годы сотрудничал с Б. Грушиным, знал толк в социологии, поэтому сразу оценил предложение печатать в преддверии президентских выборов социолого-аналитические материалы в формате целой газетной полосы. Так, появились мои статьи в «НГ»: «За четыре месяца до выборов», «За три месяца до выборов» и т. д. Последняя статья, «За две недели до выборов», содержала прогнозы РНИСиНПа возможных результатов президентских выборов. Причем в зависимости от уровня явки. Один из прогнозов оказался довольно точным.

М. К.: Но ведь электоральные прогнозы не были единственным направлением социологических исследований РНИСиНПа?

Б. Д.: Нет, конечно. В каждую программу опроса входили тематические блоки, которые позволяли ведущим исследователям института вести разработку актуальных проблем трансформирующейся России. Скажем, В. Петухов изучал состояние политического и гражданского участия, Н. Тихонова — качественно-количественные характеристики изменения социальной структуры постсоветского российского общества. Наряду с этим, группа Э. Баграмова анализировала ситуацию, которая складывалась в национально-государственных отношениях после известной ельцинской установки: «Берите суверенитета столько, сколько хотите!» Под руководством М. Мчедлова велось изучение религиозного сознания разных групп населения, а результаты этих исследований благодаря его высокому авторитету в Московской Патриархии я имел возможность дважды лично докладывать Патриарху Московскому и всея Руси Алексею II.

Б. Д.: Как вы сумели в статусе негосударственного института выйти на регулярное проведение общенациональных исследований крупных системных проблем нового общества?

М. К.: Это, как говорится, отдельная песня. Все коренится в том, что мы в РНИСиНПе сумели не только сохранить, но и преумножить наши творческие отношения с Представительством Фонда имени Ф. Эберта в РФ, которые были установлены еще в бытность ИМЛ при ЦК КПСС. Ничего странного здесь не было, если иметь в виду стремление М. Горбачева придать КПСС социал-демократическое развитие и знать, что Фонд имени Ф. Эберта является производным от Социал-демократической партии Германии. Обосновавшись в конце 1980-х гг. в Москве, а затем и в Ленинграде и Новосибирске, Представительство Фонда стало не только разворачивать традиционные формы работы — семинары, конференции, круглые столы экспертов и т. п., но и решилось на поддержку крупномасштабных социологических

исследований. Научная группа, которую я создал в РНИСиНПе для их проведения, оказалась для фонда основным и, как показало время, многолетним партнером. До сих пор сохраняется костяк этой группы, в которую в последние годы влилась талантливая молодежь. А тогда пошли наши первые исследования, которые могут составить хрестоматию по социологии становления постсоветского общества. Среди них: «Массовое сознание новой России: мифы и реальность», «Есть ли в России средний класс?», «Молодежь новой России: какая она? Как живет? К чему стремится?», «Отношение россиян к собственности и бизнесу», «Социальные неравенства и социальная политика» и многие другие. Забегая вперед, скажу, что за двадцать лет сотрудничества с фондом нам, находясь в разных институтах, удалось выполнить около тридцати социологических проектов, без которых, как признают многие эксперты, динамику и суть формирования постсоветского российского общества понять очень сложно.

Б. Д.: С некоторыми исследованиями и докладами по их итогам я знаком, что-то размещено на вашем сегодняшнем сайте, а что есть в книжном формате?

М. К.: Практически все основные проекты изданы отдельными книгами. Самая первая из них, вобравшая в себя шесть аналитических докладов по итогам исследований, «Россия на рубеже веков», вышла в издательстве «РОССПЭН» в 2000 г. Материалы последних пяти исследований изданы в формате научных монографий издательством «Весь мир». Среди них: «Готово ли российское общество к модернизации?», «О чем мечтают россияне: идеал и реальность», «Бедность и бедные в современной России».

Б. Д.: Есть такой институт — Российский институт стратегических исследований (РИСИ). Так вот, он выпустил доклад, в котором обвиняет ряд научных организаций и ассоциаций, мягко говоря, в непатриотическом характере их научной деятельности. В список этих организаций попал и Институт социологии РАН.

М. К.: Знаю про такой доклад. Чушь несусветная. Создается впечатление, что логика авторов этого доклада восходит к каменному веку: если какой-то научно-исследовательский проект финансируется с участием иностранной стороны (у нас, например, с Фондом имени Ф. Эберга правило примерно равного участия), то результаты и выводы его носят вредоносный характер. Если РИСИ претендует, судя по его названию, на стратегическое мышление, то ему лучше бы задуматься над вопросом о том, к каким стратегическим последствиям может привести отсутствие целевого государственного финансирования фундаментальных

социальных исследований для понимания состояния и перспективных направлений развития пореформенного российского общества.

Б. Д.: Ну, хорошо. А как получилось, что группа ученых независимо, то есть негосударственного, института, коим был РНИСиНП, стала лауреатами Государственной премии РФ в области науки и техники?

М. К.: Я думал, что ты не вспомнишь об этом.

Б. Д.: Почему же? Сей факт отражен в твоих биографических данных, но в них нет подробностей — когда, за что и т. п.

М. К.: Хорошо, коротко о подробностях. Выше я говорил о том, что в РНИСиНПе закрепилась группа бывших сотрудников ИМЛ — специалистов в области политической истории, причем ведущих в стране специалистов. Мы часто обсуждали вопросы, а чем еще удивить общественность после издания первых трудов документального характера, которые вызвали столь высокий интерес. И пришли к выводу: самое время взяться за подготовку и издание многотомной истории всех существовавших ранее в России политических партий (с конца XIX в. по начало 30-х годов XX столетия). Но была одна существенная загвоздка: большая часть необходимых для этого проекта архивных документов находилась в России, а еще одна часть (например, письма Мартова Ленину) — в зарубежных архивах известных научных и образовательных центров (Институт социальной истории в Амстердаме, Институт русской истории Колумбийского университета и архив Гуверовского института в США). Пришлось договариваться. Они нам — недостающие документы, а мы им — право издания подготовленных рукописей на английском языке. Так, в результате огромного труда в течение семи лет, потребовавшего подготовки небывалого по своему объему и сложности справочного аппарата, в издательстве «РОССПЭН» были выпущены 28 томов «Истории политических партий России». Ядро рабочего коллектива многотомника (восемь человек, в том числе ваш покорный слуга) было представлено в 1999 г. к присуждению Государственной премии РФ. Соответствующее решение состоялось в 2000 г. Свои дипломы лауреатов мы получали несколько позже в Кремле из рук тогдашнего Председателя Правительства РФ М. Е. Фрадкова.

Б. Д.: Очень интересно. А я и не знал, что тебе пришлось заниматься в РНИСиНПе не только социологией.

М. К.: Действительно, это так. Но я очень рад данному обстоятельству, поскольку те виды научного творчества, через которые пришлось пройти, очень помогли мне ощущать себя на всем пространстве социальной науки еще увереннее.

Б. Д.: Ну, хорошо. А как ты оказался во главе Института комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН)?

М. К.: Честно говоря, мысль о желательности трансформации независимого института в институт академический давно возникала и у меня, и у моих коллег. Но все как-то не до этого было. Подтолкнула ситуация наезда на нас, точнее, на помещения, в которых размещался наш институт. В один прекрасный летний день 2000 г. на территории РНИСиНПа нарисовалась компания по хозяйственному обслуживанию зданий с громким названием «Эфес» и предписанием высоких начальников, в котором говорилось о необходимости перевести наши помещения на баланс этой компании.

М. К.: И что же, пришлось пойти на уступки?

Б. Д.: Нет, пришлось действовать по-иному. Быстро оценив, что со статусом независимости (как бы он ни был хорош) подобную проблему не решить, мы подали прошение в Президиум Российской академии наук с просьбой ввести РНИСиНП в структуру РАН, преобразовав его в академический Институт комплексных социальных исследований (ИКСИ РАН). Нашу просьбу поддержало Отделение общественных наук РАН, которое в то время возглавлял академик Б. Н. Топорнин, являвшийся одновременно директором Института государства и права РАН.

М. К.: А в Президиуме РАН? Неужели все прошло относительно спокойно?

Б. Д.: В ходе обсуждения нашего вопроса были тревожные моменты. Все дело в том, что РАН стояла на пороге сокращения количества академических институтов, а тут еще один... но очень помогла позиция вице-президента РАН академика В. Н. Кудрявцева, которому пришлось выступать дважды и убеждать, что речь идет о небольшом по численности, но очень творческом, высокопрофессиональном и работоспособном коллективе. В итоге создание ИКСИ РАН было одобрено, а его численность определена до 70 штатных единиц. С 2001 г. новый институт РАН приступил к работе, а РНИСиНП завершил свое десятилетнее существование.

М. К.: Ну, хорошо. Затронем другую тему. Ты наверняка знаешь, что в 2018 г. Институту социологии исполняется 50 лет. Как ты думаешь, в свете реформы РАН и создания Федерального агентства научных организаций (ФАНО) этот юбилей будет отмечаться как праздник российской социологии или как вечер воспоминаний о былых успехах института?

Б. Д.: Безусловно, это будет не вечер воспоминаний, а серьезное и общественно статусное мероприятие, обязательно с учетом того, какую роль социологическая наука призвана играть в современном обществе. Большое внимание будет уделено и тому историческому пути, который прошла отечественная социология. Конечно, на многие вещи придется взглянуть критически, реально оценить перспективы развития социологии в стране и в мире в предстоящие десятилетия. Я думаю, будет также уместным, поскольку этого не сделали ранее, развести ряд мифов, в частности, миф о первоначальном зарождении прикладной социологии в ряде стран Западной Европы и Северной Америки. На самом деле достаточно обратиться к опыту проведения опросов в России в начале XX в., и многое прояснится, а вообще-то, Борис, ты перешагнул по времени еще одну очень существенную юбилейную дату.

М. К.: О чем это ты?

Б. Д.: А о том, что в марте 2016 г. исполняется 100 лет образования Русского социологического общества, получившего имя одного из его инициаторов — крупнейшего отечественного социолога М. М. Ковалевского.

Б. Д.: Да, действительно, предстоит достойным образом отметить две юбилейные даты.

М. К.: Осенью текущего года мы планируем сформировать оргкомитет по подготовке научных мероприятий, посвященных этим датам. Надеюсь, ты не откажешься войти в его состав?

Б. Д.: Нет, конечно. Готов принять в его работе самое деятельное участие.

М. К.: Полагаю, что и недавно созданное Общество социальных наук проявит к этим юбилейным датам свое внимание.

Б. Д.: Ты имеешь в виду общество имени М. М. Ковалевского?

М. К.: Нет, Общество Ковалевского — одно из общественных объединений российских социологов, созданное на базе Санкт-Петербургского университета. А речь идет об учрежденном рядом ведущих университетских центров и академических институтов, в том числе Институтом социологии РАН, Обществе социальных наук, инициированном по примеру существующих (возрожденных и берущих свое начало еще в XIX в.) Русского географического общества, Исторического общества, Общества естествоиспытателей.

Б. Д.: Какие цели определило для себя это общество?

М. К.: Если говорить о главных, то их три. Во-первых, разработка и совершенствование образовательных программ в области социального

знания. Во-вторых, развитие в стране социальных исследований и включение их результатов в практику государственного управления. И в-третьих, пропаганда достижений отечественного социально-гуманитарного знания в кругах международной научной общественности.

Б.Д.: Серьезное поле деятельности. И для социологической отрасли социального знания на нем найдется достойное место.

М.К.: Именно поэтому, как мне думается, в рамках первого Общероссийского конгресса социальных наук можно было бы отдать должное 100-летию создания Русского социологического общества, а потом плавно перейти к социологическим мероприятиям 2018 г.

Б.Д.: Хорошие задумки, их обязательно надо реализовать. Теперь меня вот что интересует. 14 ноября 2012 г. в Москве отмечался праздник — «День социолога», и в своем докладе по этому случаю ты сказал: «С учетом конкретного исторического подхода к оценке места и роли социологии в обществе можно утверждать: в любые времена она переживала свои хождения по мукам, была вынуждена преодолевать обусловленные данным временем политические и идеологические противопоказания».

У меня такой вопрос: какие муки прежде всего вынуждена преодолевать российская социология сегодня?

М.К.: Хороший вопрос. На мой взгляд, нынешнее время не столько обуславливает муки социологии, сколько вынуждает ее существовать в весьма неприличной позе — позе вечно просящего, вечно доказывающего, вечно оправдывающегося.

Б.Д.: Что ты имеешь в виду?

М.К.: Что же еще можно иметь в виду, как не выпрашивание (пусть и в неявной форме), прежде всего академической социологией, государственных средств на проведение фундаментальных исследований? А кому из нас, профессиональных социологов, не приходится сегодня постоянно доказывать свою нужность и полезность государственным структурам, которые, реализуя управленческую деятельность, сами должны осознавать потребность в обращении к социологической информации? А поза оправдывающегося и вовсе нам не к лицу. Что толку объяснять, доказывать, что имеется в виду в оценках и выводах профессионально выполненных исследований, если их нередко судят по сугубо идеологическим и политическим основаниям?

Б.Д.: Не слишком жестко?

М.К.: Да нет, в самый раз. Другое дело, что нынешняя российская профессиональная социология не должна только жаловаться на недостаток внимания. Уровень востребованности ее возможностей в сфере

экспертной работы, научного управления обществом мы и сами должны поддерживать. И прежде всего высоким качеством своих исследований.

Б. Д.: И что, даже на региональном уровне сегодня нет каких-то ярких примеров взаимодействия власти и социологии?

М. К.: Почему, есть. Например, в Тюмени. Именно по инициативе региональных властей там регулярно проводится Тюменский социологический форум. Результаты исследований используются не просто для декора высоких речей (что чаще всего можно наблюдать), а для оценки эффективности управленческой работы, прогнозирования возможных последствий принимаемых решений, в особенности в социальной сфере.

Осенью прошлого года (2013 г.), как раз в дни работы Третьего социологического форума в Тюмени, я встречался с губернатором Тюменской области Владимиром Якушевым. Спрашиваю его: «А скажите, Владимир Владимирович, что окажется дешевле, а значит, выгоднее: наряду с принятием технико-экономического обоснования реализации какого-нибудь крупного проекта одновременно осуществлять его социогуманитарную, социологическую экспертизу или вкладывать деньги в исправление ошибок в процессе его продвижения прежде всего вследствие недооценки человеческого фактора?» Не раздумывая, он ответил: «Конечно, одновременная двойная экспертная оценка проекта».

Б. Д.: Что же произошло после вашего разговора?

М. К.: А то, что Тюменская областная дума рассмотрела на своем заседании договор о многолетнем сотрудничестве с Институтом социологии РАН и утвердила его. Вот после нашего с тобой диалога вылетаю его подписывать. Видишь, бывает и такое. Правда, еще нечасто.

Б. Д.: О каких направлениях, темах сотрудничества в этом договоре идет речь?

М. К.: Договор фиксирует общие принципиальные положения взаимодействия ИС РАН и региональных властей. А дополнительный протокол к нему оговаривает темы и сроки реализации конкретных проектов. Среди этих тем на ближайшие три года: формирование человеческого потенциала в Тюменском регионе, ресурсы формирования и укрепления среднего класса, социальные факторы освоения северных территорий, оценка эффективности правоприменительной практики и др.

Б. Д.: Выполнение этих проектов предусматривает участие в них тюменских социологов?

М. К.: Конечно! В Тюмени на базе Тюменского государственного университета усилиями Г. Ф. Куцева создана крепкая социологическая школа. И мы очень надеемся на самое тесное и активное

сотрудничество. Ведь кто, кроме местных социологов, может лучше знать особенности регионального социума...

Б. Д.: Согласен. А вообще для меня три главных города существуют в России. Это, естественно, Санкт-Петербург, Москва и Тюмень! Я очень много с Тюменью связываю, поэтому хорошо знаю этот регион. Когда я ездил в Тюмень, там губернатором был Л. Ю. Рокетский, а потом — С. С. Собянин.

И для реализации ваших совместных проектов в Тюмени будет создаваться отдельная структура?

М. К.: Скорее всего, да. Речь может идти о двух вариантах: о создании межвузовской социологической лаборатории (в Тюмени социологи работают не только в ТГУ) либо о создании в Тюмени филиала Института социологии РАН по примерам уже действующих — Южнороссийского, Приволжского и Башкирского филиалов нашего института.

Вообще, Борис, хотел бы заметить, что постановка вопроса о социологическом обеспечении экспертно-аналитической работы во властных структурах, причем самого высокого уровня, ведется уже не первый год. Я об этом не раз беседовал с Сергеем Михайловичем Мироновым в его бытность Председателем Совета Федерации, когда был создан научно-экспертный совет при нем (НЭС), а я вошел в его состав.

В настоящее время я являюсь членом Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации В. И. Матвиенко. В его состав входят более десяти действительных членов РАН, представляющих как социальные, так и естественные и технические науки. И вот только на днях я получил приглашение принять участие в очередном заседании НЭС, в повестке дня которого первым значится вопрос: «Социально-гуманитарная экспертиза проектов законодательных и нормативно-правовых актов в контексте модернизации социальной сферы регионов России». Как говорится, лед тронулся. Лучше поздно, чем никогда.

Б. Д.: Ну да, конечно. Теперь у меня вот такой вопрос: ты уже много лет занимаешься разработкой социологической теории массового сознания, динамической концепции формирования и функционирования общественного мнения, выявлением структуры российской идентичности. Какие, по твоему мнению, результаты достигнуты в этих областях российской социологической науки за последние полтора-два десятилетия? Как ты вообще оцениваешь сделанное? Есть ли здесь какой-то рывок, какое-то движение?

М. К.: О рывке, тем более теоретическом, говорить, на мой взгляд, оснований нет, да и вряд ли он в принципе может быть в условиях динамично трансформирующегося общества, динамично развивающихся

(изменяющихся) явлений и процессов, которые выступают объектом сегодняшних исследований. Глубокие и всесторонние обобщения долговременного значения возможны только в устойчивых общественных системах. Поэтому о научных наработках применительно к пореформенному российскому обществу речь вести, конечно, можно и нужно! Но также следует иметь в виду, что эти наработки имеют пока больше характер тенденций, чем сложившихся закономерностей.

Б. Д.: Значит, о каких-то тенденциях все-таки говорить можно, учитывая 20-летний период российских реформ?

М. К.: Применительно к тем областям, о которых шла речь в твоём вопросе, могу выделить следующее. Что касается массового сознания, то оно в еще более выраженной форме подтвердило свою ситуативную природу, изменчивость вслед за изменениями общественной ситуации. Вот почему «общественное сознание» и «массовое сознание» из разного категориального ряда, что зачастую не принимают во внимание многие исследователи. Речь о том, что если общественное сознание в своих устойчивых формах существования (нормы, традиции, обычаи и т. п.) отражает конкретно-исторический тип общественных отношений, то через состояния массового сознания (социальные умонастроения, социальные чувства, духовно-психологический климат и др.) фиксируется своеобразие периодически меняющейся общественной ситуации.

В свою очередь, мониторинговые исследования динамики общественного мнения дают основания говорить об усилении сдвига духовно-психологической природы этого специфического явления в сторону его духовно-практической сущности.

Б. Д.: Что ты имеешь в виду?

М. К.: А то, что усиливается роль общественного мнения как связующего звена между состоянием массового сознания и направленностью и формой проявления массового поведения. Да и сама социальная скорость трансформации общественного мнения как духовно-психологического отношения в отношении духовно-практическое и собственно практическое (массовая поведенческая реакция населения) явно набирает обороты (особенно в неординарных, критических, психологически взрывных и т. п. общественных ситуациях).

Претерпела изменения за двадцатилетие лет реформ и структура российской идентичности. Причем как в различных видах «Я-идентификация», так и особенно в структуре «Мы-идентификация». Во-первых, за время, прошедшее после распада СССР, в три раза (до 90–95%) возросла доля населения РФ, которая стала идентифицировать себя с понятием «россиянин». А во-вторых, на уровне личностной

идентификации явно проявилась тенденция относительного выравнивания значимости этнической и гражданской идентичности. На мой (и не только на мой) взгляд, это явный признак активизации процесса формирования общероссийской идентичности, которая не противопоставляется сохранению идентичности этнической.

Таков, если очень кратко, наш опыт использования социологии как средства социальной диагностики. В развернутом виде, к тому же на базе более чем тридцати общероссийских исследований, я представил его в своей книге «Российское общество как оно есть» (2011 г.). В настоящее время я завершаю подготовку ее второго издания (дополненного и обновленного). Безусловно, в нем найдут отражение процессы, связанные с консолидацией российского общества, укреплением общероссийской идентичности после воссоединения Крыма с Россией.

Б. Д.: В каком издательстве она выйдет?

М. К.: В издательстве «Новый хронограф». В нем же выходило и первое издание.

Б. Д.: Я знаю, да и по твоим комментариям в нашем диалоге можно понять, что у тебя накоплен многолетний личный опыт научно-организационной, исследовательской и издательской деятельности. Но то, что ты до сих пор рассказывал, относится к прежним руководимым тобою научным структурам. А как ты оказался директором Института социологии РАН?

М. К.: Случилось это в июне 2005 г. Данному событию предшествовала процедура под впечатляющим названием «Реструктуризация научно-исследовательских институтов РАН».

Б. Д.: Это что такое?

М. К.: На языке Минфина — сокращение бюджетополучателей. А если говорить простым, доходчивым языком — сокращение институтов РАН путем их объединения.

Б. Д.: Как же это связано с моим вопросом?

М. К.: Самым что ни на есть непосредственным образом. Общая установка, насколько я знаю, предполагала сокращение институтов РАН на 50–55 юридически и финансово самостоятельных учреждений. Из структур близкой нам научной области выбор пал на Институт социологии — директором являлась Л. М. Дробижева, Институт сравнительной политологии — директором являлся Г. Ю. Семигин, и Институт комплексных социальных исследований, которым руководил я. В результате их слияния и реорганизации должен был появиться один институт Российской академии наук (а у Минфина РФ — сократиться

число научных организаций, которым следует перечислять бюджетные деньги).

Естественно, при таком повороте событий в Президиуме РАН встал вопрос о руководителе и названии объединенного института. Л. М. Дробужева не могла выдвигаться по действовавшим тогда для директоров возрастным ограничениям (до 70 лет). Я дал согласие, оговорив при этом наличие поддержки научных коллективов и, прежде всего ИС РАН как головного академического социологического центра. А Г. Ю. Семигин заявил А. Н. Некипелову — академику, вице-президенту РАН, которому тогда было поручено заняться реструктуризацией учреждений в сфере общественных наук, что он в данной ситуации видит директором объединенного института только себя и ни на какие иные роли (например, роль первого заместителя директора) соглашаться не будет.

Б. Д.: Какой же из такого расклада вывод сделал А. Н. Некипелов?

М. К.: Ну какой мог быть вывод? Понимая, что основное значение в определении фигуры директора нового института принадлежит позиции ИС РАН, он провел ряд консультаций с его дирекцией ведущими учеными института, которые высказались в пользу поддержки моей кандидатуры. Название преобразованного института было решено не менять, поскольку и в России, и за рубежом оно было наиболее раскрученным. Так, появилось сначала распоряжение Президиума РАН о создании ИС РАН нового образца путем объединения ИКСИ РАН, ИСП РАН и прежнего ИС РАН и назначении меня и.о. директора объединенного института. А уже через полгода научный коллектив нового ИС РАН на своем общем собрании сотрудников института избрал меня директором сроком на пять лет. В 2010 г. я вновь был переизбран директором ИС РАН.

Б. Д.: Были проблемы в процессе объединения трех таких довольно непростых научных коллективов?

М. К.: Конечно, были. Решение таких задач, которые пришлось решать уже в первые месяцы, беспроблемным не бывает. Но главное, что все осуществлялось в спокойном, конструктивном режиме, без возникновения конфликтных ситуаций. Это относится даже к решению поставленной перед нами задачи сокращения штатных единиц объединенного института — с 450 до 350. Сам понимаешь, чем подобное могло обернуться, если рубить с плеча... Но в течение трех месяцев задачу решить удалось, причем без судебных разбирательств (в отличие от подобных ситуаций в других объединенных институтах). Выдержать установленные для ИС РАН параметры его численности помогли три обстоятельства: 1) наличие большого числа пенсионеров весьма

почтенного возраста (особенно в крыле политологов), которые, понимая ситуацию, подали заявления об увольнении; 2) готовность ряда научных сотрудников, в том числе достигших пенсионного возраста, озадаченных вероятностью не выдержать конкурентной борьбы с другими учеными института, уволиться (или перейти на другую работу) по собственному желанию; 3) согласие еще одной группы ученых перейти на 0,5 ставки, что также позволило сократить ряд полных штатных единиц. Еще через год численность ИС РАН была определена до 320 штатных единиц (в настоящее время 310).

Безусловно, и структура нового ИС РАН определялась не с кондачка и не путем административного нажима. Несколько раз обсуждали данный вопрос на заседаниях вновь образованного Ученого Совета института. В итоге пришли к выводу: оптимальным вариантом является организация научной работы института через образование в его структуре исследовательских центров. Выбор проблемно-аналитической направленности научной деятельности центров определялся как предшествующими наработками ранее функционировавших научных подразделений, так и выдвинувшимися актуальными проблемами последнего времени, получившими отражение в распоряжении Президиума РАН о создании качественно нового ИС РАН.

О направлениях, конкретных проектах работы каждого центра говорить не буду — все это представлено на портале ИС РАН, причем с приведением оценок и комментариев результатов их деятельности экспертным научным сообществом.

Б. Д.: Рискнешь выделить то, что, может быть, составляет изюминку нынешнего ИС РАН?

М. К.: Честно говоря, не вижу здесь большого риска, поскольку какие-то из, как ты выразился, изюминок — на поверхности, а какие-то отмечают сами эксперты социологической продукции, причем и российские, и зарубежные. Скажем, в прикладных исследованиях, проводимых по общероссийской выборке, нам удалось перенести центр тяжести на аналитический вид изысканий, отличающихся, как известно, от оперативных (зондажных) и описательных социологических опросов нацеленностью на выявление причинно-следственных связей изучаемого объекта. Отсюда возможность при анализе результатов таких исследований выходить на обобщения комплексного характера. Именно такими обобщениями и выводами отличаются аналитические доклады ИС РАН (а впоследствии и издаваемые на их основе монографии), которые довольно быстро привлекают к себе внимание не только научного, но и масс-медийного сообщества.

Вообще, хотел бы заметить, что публичной стороне своей научной деятельности новый ИС РАН стал уделять повышенное внимание. Ведь, согласись, если социология — наука об обществе, то результаты этой науки не могут находиться только на столах и в книжных шкафах ученых. Они непременно должны выходить в публичную сферу. Поэтому, начиная работу в новом ИС РАН, пришлось приложить немало усилий для того, чтобы понятие публичной социологии стало не просто ярким слоганом, но и одним из важных видов деятельности ведущих ученых института. Помню, ты сам не раз любил повторять такую формулу: если тебя нет на страницах газет и журналов, если тебя нет на радио и в телеэфире, в Интернете, то тебя нет вообще!

Б. Д.: Действительно, это моя непреложная установка.

М. К.: Вот и для нас она стала неотъемлемой частью деятельности. Поэтому сегодня ИС РАН считается одним из самых публичных академических институтов, имеет один из самых посещаемых сайтов среди всех институтов РАН и к тому же обладает одним из самых высоких индексов в РИНЦ.

И еще, в контексте твоего вопроса, хочу не без особого удовлетворения подчеркнуть, что в серьезных экспертных и политических кругах данные исследований ИС РАН оцениваются как наиболее объективные, надежные.

Б. Д.: Теперь хочу задать тебе вопрос, лежащий в несколько иной плоскости. Сколько времени ты уже находишься в составе РАН, если иметь в виду и твое членкорство, и звание академика?

М. К.: Членом-корреспондентом я был избран в 2006 г., а действительным членом РАН — в 2011 г. Получается, 8 лет.

Б. Д.: Уже порядочное время. Среди обществоведов ты, наверное, самый молодой академик?

М. К.: Получается, так, если иметь в виду сферу общественных наук.

Б. Д.: На тебе как на академике — действительном члене РАН — лежат какие-либо дополнительные функции?

М. К.: До реформы РАН дело обстояло следующим образом. Я, как и каждый член академии, состоял в одном из отделений РАН, а в структуре отделения входил в одну из его секций — секцию философии, социологии, психологии, права и политологии Отделения общественных наук (ООН) РАН. В его состав входит еще секция экономических наук. Периодически участвую в заседаниях секции, на которые выносятся вопросы как научно-отраслевого, так и междисциплинарного характера. А как член Бюро ООН принимаю участие в обсуждении текущих

и перспективных вопросов состояния и развития общественных наук и деятельности институтов, их представляющих.

В настоящее время еще трудно сказать, что после реформы РАН реально останется в сфере компетенции ООН и его секций. Судя по тому, как развивается ситуация, очевидно одно — связь институтов с РАН будет ослабевать.

Б. Д.: Так что, все руководство институтами фактически перешло к ФАНО?

М. К.: Да, это так. На нашей научно-исследовательской работе сие пока не отражается, если не принимать в расчет безумное количество разного рода справочных бумаг, которые чуть ли не ежедневно приходится отправлять курирующим ИС РАН чиновникам ФАНО. Однако помогает меньше думать о бюрократической возне большой объем научно-исследовательской работы.

Б. Д.: Как раз хотел спросить, а у вас есть какой-то постоянный механизм взаимодействия и сотрудничества, скажем, с Правительством РФ?

М. К.: Постоянного механизма нет. А есть практика, проверенная еще советским временем, выполнения разовых поручений, причем (как и в то время) на безвозмездных началах. Например, в недрах правительственного или какого-нибудь ведомственного аппарата подготовлен проект федерального значения. Он направляется в ИС РАН с предписанием его изучить и представить в соответствующий срок свои оценки, дополнения и рекомендации. Аналогичные целевые поручения исходят и со старой площади (из Аппарата Администрации Президента РФ).

Случаются и иные формы сотрудничества, когда возникает необходимость при разработке документов стратегического характера направлять в создаваемую для этого рабочую группу экспертов-социологов из нашего института. Один из таких наиболее ярких примеров последнего времени — участие ученых ИС РАН в подготовке правительственной Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ, известной под названием «Стратегия-2020». Первый заместитель директора ИС РАН П. М. Козырева даже была отмечена за участие в этой работе (в части обоснования моделей социальной политики) государственной наградой.

А бывают и такие случаи, когда академические ученые сами, что называется, напрашиваются на общении с властью своими инициативами.

Б. Д.: Что ты имеешь в виду?

М. К.: Хотя бы последний случай, который закончился встречей с Президентом РФ В. В. Путиным в его резиденции «Ново-Огарево».

Б.Д.: Что-нибудь об этом сказать можешь, или о таких встречах не принято распространяться?

М.К.: Ну почему же? Об этой встрече было много сообщений и на президентском сайте, и в федеральных СМИ, и в соответствующих комментариях, которыми всегда сопровождаются подобные встречи. Поэтому коротко отмечу следующее. Поводом для такой встречи послужил подготовленный в инициативном порядке доклад группы академиков РАН, посвященный перспективам экономического и социального развития России на ближайшие 10–15 лет. Экономические разделы доклада готовили ведущие ученые экономических институтов РАН, а разделы о социальном положении населения и предпочтительных вариантах социального развития общества — специалисты ИС РАН.

Интрига ситуации состояла в том, что в это же самое время со своими сценариями текущего, среднесрочного и долгосрочного социально-экономического развития страны, в которых предлагалось ориентироваться на весьма скромные показатели роста ВВП как на ближайшие годы, так и на отдаленную перспективу, выступило Минэкономразвития РФ.

Встреча с Президентом РФ состоялась 19 февраля 2014 г. Со стороны РАН на ней присутствовало 10 человек, главным образом экономисты — академики РАН А. Некипелов и В. Ивантер (руководители рабочей группы по подготовке доклада), Е. Примаков, О. Богомолов, член-корреспондент РАН Г. Кляйнер и др. Единственным социологом оказался я. На противоположной стороне большого овального стола расположились В. Путин, И. Иванов — руководитель Администрации Президента РФ, А. Белоусов — помощник Президента РФ, А. Улюкаев — министр экономического развития РФ, А. Силуанов — министр финансов РФ, Э. Набиуллина — председатель Центробанка России и академик РАН С. Глазьев — советник Президента РФ по экономическим вопросам.

М.К.: Обстановка оказалась весьма располагающей, демократичной. У каждого была возможность кратко выступить с обоснованием своей позиции. Например, В. Ивантер убежденно и аргументированно объяснял, как и за счет чего можно поднять темпы роста ВВП до 6% и даже до 8% в год. А. Некипелов сделал акцент на возможности использования для этого кредитно-денежной политики. Г. Кляйнер попытался увязать экономический рост и экономические стимулы, в частности, превращения работника в собственника предприятия и т. п.

Б.Д.: О чем удалось сказать президенту страны тебе? Ведь понятно, что такая возможность появляется крайне редко, может быть, один раз...

М. К.: Именно поэтому пришлось выбирать: либо говорить о нас любимых, имея в виду собственно наши «страдальческие» социологические проблемы, либо исходить из общего контекста разговора, акцентируя внимание на возможностях социологии вести систематический анализ роли неэкономических факторов (социокультурных, психологических, нравственных, политических, информационных и др.) достижения экономического роста страны. Выбрал второе.

Встреча длилась более трех часов. Разговор был довольно оживленный, президент многим выступающим задавал вопросы и нередко давал свои комментарии.

Б. Д.: И что в итоге?

М. К.: Трудно сказать. Обычно после таких встреч, к тому же в подобном составе, итог в снятом виде сразу не определяется, нужно время. А потом последовавшие вскоре украинские события по понятным причинам резко переключили внимание руководства страны на иную группу вопросов. Но, разумеется, то, что обсуждалось у президента, в повестке дня осталось. Более того, с учетом экономических санкций Запада, приобрели еще большую актуальность.

Б. Д.: Михаил, задам еще три вопроса, без которых я не могу считать наш диалог завершенным. Одним из главных критериев эффективности научной деятельности институтов считается деятельность издательская. Но как вы можете обеспечивать эту самую эффективность, если, как ты отмечал выше, у института РАН только две статьи расходов — зарплата и коммуналка?

М. К.: А это, судя по всему, мало кого интересует. Ощущение такое, что те, кто определяет, как и на что должна существовать в нашем Отечестве социальная наука, исходят из установки: захочешь печататься — найдешь на что. Основные «находки» к нынешнему периоду сводятся к следующему. Это может быть издательский грант по линии РГНФ. Но его надо еще выиграть в конкурентной борьбе с другими желающими издать свои научные творения. Это может быть финансовое участие самого научного института РАН, но выделяемые им средства должны иметь внебюджетные источники (например, деньги от сдачи в аренду излишков занимаемых им помещений, если, конечно, они есть). Это может быть заинтересованность издательства в выпуске предлагаемой научной рукописи. Однако подобное с научной литературой случается редко, поскольку издательские структуры преследуют, как правило, коммерческие цели или хотя бы стремятся окупить свои затраты. Это может быть и издание по договору (заказу) с какой-либо

организацией, чаще всего общественной. Наконец, когда для автора (авторов) все названные и иные источники не срабатывают, он (они) сами идут на издательские расходы. Но подобное имеет место в самых редких случаях.

Что касается научных изданий ИС РАН, то чаще всего они выходят в свет благодаря грантам РГНФ, по договорам сотрудничества с Фондом им. Ф. Эберта, за счет исследовательских грантов, в смету которых можно включить статью на издательские расходы, и, наконец, на основе авторского самофинансирования. В последние годы ученые института стали активно практиковать издание своих научных работ на дисках, что значительно снижает затраты. Те же скромные внебюджетные средства, которыми располагает сам ИС РАН, аккумулируются главным образом для издания ежегодника и журнальных изданий института: «Социологическая наука и социальная практика», «Вестник Института социологии» (электронная версия), «Социологический журнал», «Социология: 4м».

Б. Д.: Предпоследний к тебе вопрос такой: как ты думаешь, сохранится ли в России двухступенчатая система научных степеней — кандидат и доктор наук?

М. К.: Трудно однозначно ответить на этот вопрос после того, как за годы реформ в сферах образования, науки и аттестации научных кадров принимали много необдуманых решений. Мы еще не до конца осознаем, чем отзовется для нас в более отдаленной перспективе вхождение России в Болонское соглашение. Поэтому я бы не торопился отказываться от испытанной десятилетиями в нашей стране модели двухступенчатого восхождения к статусу высококачественного ученого-исследователя. По крайней мере, для меня и многих моих коллег, довольно часто принимающих участие в различных международных научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, разница в уровне российского доктора наук и доктора западного («одноступенчатого») очевидна.

Думаю, что после ряда принятых ВАКом России решений последнего времени, направленных на резкое повышение уровня требований к выносимым на защиту диссертациям (особенно докторским), подобные различия станут еще более очевидными, а очереди на защиту в спецсоветах резко поредеют. Например, количество желающих защищаться в диссоветах ИС РАН и в свете повышенных требований, и в силу высокой требовательности наших спецсоветов резко поубавилось.

Б. Д.: В заключение нашей беседы скажи, пожалуйста, а помимо руководства институтом ты возглавляешь в нем какое-либо научное подразделение?

М. К.: Не вижу в этом необходимости. Ведь, наряду с руководством институтом, я являюсь председателем его Ученого Совета, председателем докторского специализированного совета, главным редактором журналов ИС РАН «Социологическая наука и социальная практика», «Вестник Института социологии», ответственным редактором институтского ежегодника. Кроме того, по сложившейся еще в РНИСиНПе и в ИКСИ практике работы, выступаю научным руководителем наиболее крупных общеинститутских социологических проектов. А вот для регулярного нахождения в творческой форме я действительно тесно связан с одним из научных подразделений института, но не в качестве его руководителя, а в качестве совместителя по штатной ставке главного научного сотрудника. Речь идет о моем участии в проектах НИР Центра комплексных социальных исследований. Как правило, эти проекты направлены на изучение довольно острых и сложных проблем: экстремизм в молодежной среде; социальные факторы коррупции; эволюция политико-мировоззренческих взглядов россиян; гражданская культура и гражданское участие в пореформенном российском обществе и др. При этом мне импонирует, что и опытные, и молодые ученые центра используют при разработке научных проблем междисциплинарный, комплексный подход.

Б. Д.: Большое тебе спасибо, Миша. По-моему, у нас состоялась очень бурная, интересная беседа. Признаюсь, что узнал вещи малоизвестные, а то и вовсе мне неизвестные. Думается, для многих, кто знает тебя только по публикациям, твой путь в профессиональную социологию станет откровением.

М. К.: Возможно. В таком случае можно считать, что, в отличие от других путей, пути в социологию — исповедимы.

Сведения об авторе

Докторов Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор, независимый исследователь, bdoktorov@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 27.12.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 09.01.2026;
принята к публикации: 14.01.2026.

BORIS Z. DOCTOROV

Independent Researcher

Gorshkov M. K.:
“...THE PATHS TO SOCIOLOGY ARE PROFESSED”

Abstract. On November 24, 2025, Mikhail Konstantinovich Gorshkov, a great scientist, academician, excellent colleague who made a huge contribution to the development of Russian sociology, was the first director of FCTAS RAS, passed away. With the kind permission of Boris Zusmanovich Doktorov, an interview with Mikhail Konstantinovich, which was part of a unique biographical project about Russian scientists, is reproduced. From the dialogue between the two scientists, a picture of the long-term work of Mikhail Konstantinovich is recreated, whose biography, in the typology of Boris Zusmanovich, belongs to the “older part of the fourth generation” of scientists, in which not only the typical, but also the unique can be seen.

Keywords: M. K. Gorshkov, scientist, sociology, science, biography, generation.

For citation: Doktorov B. Z. Gorshkov M. K.: “...The Paths to Sociology Are Professed”. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 8–50. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.8xse-md45; EDN: PTMDNC

Information about the author

Doktorov Boris Z., Doctor of Philosophy, Professor,
Independent Researcher,
bdoktorov@inbox.ru

Received: 27.12.2025;

revised after review: 09.01.2026;

accepted for publication: 14.01.2026.